А. Чемшит

ГРОЦИЙ И СПИНОЗА О ГОСУДАРСТВЕННОМ СУВЕРЕНИТЕТЕ

Современный этап существования независимого украинского государства обнаружил вполне естественное стремление политиков и ученых к анализу эффективности проводимых преобразований. В ноябре 2000 года состоялась научная конференция, посвященная перспективам нашей страны в XXI веке, на которой выступил Президент Украины Л.Д. Кучма. В его докладе дана сжатая характеристика формирующейся в Украине новой исторической реальности, которая определяется завершением начальной фазы трансформационных преобразований [1]. На этом этапе произошли: «окончательное утверждение Украины как суверенной державы», «демонтаж основ тоталитарной системы», «уверенный выход на магистральный путь, которым идет все человечество». Президент признал, что наряду с бесспорными достижениями украинское общество понесло и «весьма ощутимые потери». «В частности, – отметил Президент, – более чем наполовину уменьшился экономический потенциал страны. И даже более того: фактически валовой внутренний продукт, составлявший в 1990 году (в долларовом исчислении) 156 млрд. $, сократился до 32 млрд. $, средняя заработная плата в долларовом эквиваленте в сравнении с 1990 годом уменьшилась более чем в 12 раз, средний размер пенсии – в 13,6 раза, а минимальной пенсии – в 25,7 раза. Угрожающих темпов достигла и продолжает углубляться дифференциация доходов, возникли серьезные демографические проблемы». «Особое беспокойство – говорится далее в выступлении, – вызывают разбалансированность экономики, вконец деформированная система отношений собственности, значительная часть которых основывается на теневых, коррумпированных началах. Существует реальная перспектива консервации, закрепления этих опасных явлений».

Одной из причин происходящего в своем докладе «Формирование новой исторической реальности» Президент Украины Л. Кучма назвал то, что реформы были развернуты «без какого бы то ни было обоснования, не было даже чисто теоретических представлений о путях их осуществления». Метод проб и ошибок, кавалерийских атак, преобразование жизни общества по принципу «разрушим все до основанья, а затем начнем возводить новое с нулевой отметки» дорого обошлись нашей стране, народу Украины. Практически все было сведено к «рыночной трансформации» – тому, что Л. Кучма еще в 1994 году назвал «курсом радикальных рыночных реформ». При этом реформаторы не учли того, что при всей важности экономической сферы общественная

жизнь к ней не сводится. Огромное влияние на общество оказывают и другие факторы – социальные, политические, духовная жизнь, общественное сознание, культура, морально-психологические ценности. Поэтому при осуществлении глубоких социальных преобразований должны обеспечиваться всесторонний учет и сбалансированность всех факторов общественного развития. Глава государства указал на пагубность антиисторизма в политике, игнорирования органической связи современного с прошлым и будущим, недооценки одного из главных постулатов общественного процесса – преемственности развития, равно как и наивных расчетов на искусственно сконструированные либо механически перенесенные на украинскую почву стандартные стереотипы, заимствованные из опыта других стран.

Взяв курс на интеграцию в Европу, украинские политики не заметили жестоких объективных реалий современного мирового развития, на которые указал Президент Л. Кучма: «При всех своих стремлениях Запад так и не смог за послевоенные годы решить острейшую проблему – глобального неравенства. Стандартные модели системного обновления, которые испытывались в свое время в ряде стран, а потом активно внедрялись на постсоветском пространстве, в том числе в Украине, в историческом плане оказались неэффективными». Далее Президент по существу признал, что украинская модернизация, которая привела к глубокому экономическому и социальному кризису, с самого начала осуществлялась «по антицивилизационному вектору», то есть по принципу: «сначала реформы, а потом решение социальных задач». Иначе говоря, для выхода из системного кризиса нужен жизнеспособный социальный проект, базирующийся на мировом модернизационном опыте и способный оптимально сочетать суверенитет общего и частного, государства и личности. Тем более что Европа чрезвычайно богата опытом такого рода.

Методологической основой юридического мировоззрения европейцев в эпоху буржуазных (антитоталитарных) революций стал рационализм, то есть оценка общественных отношений с позиции «здравого разума», применения к ним правил формальной логики (например: если все люди равны по природе, в чем тогда смысл и оправдание сословных привилегий?). Противопоставляя «неразумному» феодализму представление о будущем «разумном» обществе, идеологи буржуазии возводили в идеал отношения свободных товаропроизводителей, связанных отношениями конкуренции. При этом само общество мыслилось как совокупность юридически равных индивидов, соединенных сложными договорными отношениями, урегулированными и гарантированными нормами права. Именно поэтому право (закон) представлялось основной связью общества, которая нередко отождествлялась с государством.

Трудами философов и физиков Гассенди, Бойля, Гюйгенса и Ньютона восставала из забвения атомарно-механистическая картина мира. В сознание людей проникала целостная картина мира, основанная на представлении о человеке как изолированном атоме, наделенном внутренней энергией и постоянно стремящемся к движению. «Возрождение атомизма объясняется, помимо его явной необходимости для создания целостной механистической картины мира, культурно-идеологическими потребностями, тенденцией к «атомизации» общества в XVII-XVIII веках. П.П. Гайденко пишет: «Разрушается феодальная структура, индивид освобождается от ранее определявших его образ жизни связей и ограничений. Происходит отделение производителя от средств производства, расширяются рыночные отношения. На первое место все больше выступает частный капитал, то есть индивид ведет себя как отдельный атом, и из хаотического движения атомов складывается равнодействующая тенденция развития общества» [2; 3].

Так называемое «научное» мировоззрение придавало видимость законности освобождению от иерархических структур феодальной зависимости и государства, заложило философскую основу представительства в западной демократии («один человек – один голос»). В феодальную эпоху решающим или хотя бы совещательным голосом обладал не индивидуум, а полномочный представитель коллектива (отец семьи, старейшина клана или общины, феодал) [4]. Начало складываться то, что сегодня носит название автономного политического участия. Далее мы увидим, что и по сей день в незападных системах, даже «модернизированных» по западным лекалам, воспроизводится не автономный, а старый добрый мобилизованный тип участия. Но на Западе новое мировоззрение уже давно требовало изменения концепции самого устройства государства.

Государство рассматривалось как гарант права, поскольку для развития буржуазии первостепенную важность имело не наделение каждого буржуа политическими правами, а создание прочного правопорядка, основанного на формальном равенстве субъектов права, гарантиях свободы предпринимательства, частной инициативы и конкуренции, незыблемости собственности и договоров. Полностью закономерно, что буржуазное правоведение складывалось преимущественно как «теория права и государства».

Классическим воплощением юридического мировоззрения явилась теория естественного права. Эта теория основана на признании всех людей равными от природы и наделенными (природой же) естественными страстями, стремлениями, разумом. Законы природы определяют предписания естественного права, которому должно соответствовать положительное (позитивное, волеустановленное) право. Антифеодальный характер теории естественного права заключался в том, что все люди признавались равными, и это (естественное равенство людей) было возведено в обязательный принцип

положительного, то есть действующего права. Впрочем, вместе с деиерархизацией общества уходила и идея служения, что, наряду со свободой юридической, несло в себе несвободу социальную. Однако тогда это понималось немногими. Среди них был известный голландский юрист Гуго Гроций (1583-1645).

В результате успешной революционной борьбы против испанского короля и феодалов (1565-1609) на свет появилось первое буржуазно-демократическое государство – Нидерланды (республика соединенных провинций). Но почти тотчас же после обретения вожделенной независимости страна была вовлечена в гражданские распри между отдельными группами торговой буржуазии и дворянства. Эти настроения происходили на фоне Тридцатилетней войны (1618-1648), в результате которой, по Вестфальскому мирному договору, на карте Европы появилось 350 государственных образований [5]. Территория континента в очередной раз оказалась поделена. Теперь предстояло нечто более сложное – раздел государственного суверенитета между этими тремя с половиной сотнями больших, маленьких и крошечных держав. Г. Гроций не дожил до окончания войны, но дух времени он понимал хорошо. Еще в 1609 году им был опубликован трактат «Свободное море, или О праве, принадлежащем голландцам в области торговли с Индией». Позднее этот трактат, в качестве главы, вошел в книгу «О праве добычи». И хотя книга была написана в осуждение притязаний сверхдержавы того времени – Испании и ее притязаний на исключительное право торговли с Индией, задача Гроция была более общей – защита проекта свободного пользования морями.

Гроция справедливо считают основателем теорий всеобщего государственного права, философии права и имущественного права. Однако, в силу не до конца ясных причин, мимо внимания исследователей проходит тот факт, что голландский ученый впервые соединил ранее несоединимые жизненные потребности человека, территорию государства и государственный суверенитет. Именно эта цепочка проходит красной нитью через все его правовое и государственно-политическое творчество, в том числе – через его труд «О праве войны и мира» (1625).

Исходными пунктами учения Гроция являются природа человека и социальные качества людей. Гроций делит право на естественное и волеустановленное. Естественное право – предписание человеческого разума, в зависимости от которого то или иное действие, в соответствии или противоречии с разумной природой человека, признается одобряемым или порицаемым. Участвующие в общении люди, будучи существами разумными, всегда оценивают, что из поступков согласуется со стремлением к общению, а что противоречит ему. На этой основе голландский мудрец определяет перечень предписаний естественного права:

1) воздерживаться от присвоения чужого;

2) возвращать владельцу его вещь, если она случайно оказалась в чужом владении;

3) возмещать выгоду, полученную за пользование чужой вещью;

4) строго исполнять заключенные договоры;

5) ущерб должен возмещаться тем, кто его причинил;

6) воздавать людям заслуженное ими наказание.

Помимо права естественного, ученый выделяет в общем праве и право, установленное человеческой волей, а также право божественное (то есть предписания религии). Человеческое право, в свою очередь, складывается из права внутригосударственного (исходящего от гражданской власти) и права народов (получающего «обязательную силу волею всех народов или многих из них»). Проводя эти и другие разграничения внутри человеческого права, Гроций постоянно подчеркивает, что прародительницей такого права является «сама природа человека», и потому все производные от естественного права должны соответствовать его началам, то есть человеческое право должно соответствовать естественному праву.

Догосударственная стадия жизни людей характеризовалась Гроцием как «естественное состояние». В таком состоянии не было частной собственности, равно как и не было начальства. Постепенно люди стали заниматься различными ремеслами и искусствами, вести изысканный образ жизни, появились различные пороки, произошел переход от первобытной общности имущества к распределению сперва движимых, а затем и недвижимых вещей. В отношениях людей возникла частная собственность, ссоры и обиды, ослабла справедливость. Таким образом, получается, что частная собственность является не естественным, а только позитивным, человеческим, волеустановленным правом. Но поскольку стержневой категорией учения Гроция является справедливость, а целью государства и права – ее достижение, то посягать на частную собственность означает углублять социальную несправедливость, следовательно, справедливость как условие общежития «целиком состоит в воздержании от посягательства на чужое достояние». Казалось бы, что прав тот, кто первым смог «прихватизировать» общественное достояние, и горе тем, кто этого сделать не успел. Кстати говоря, сегодня это «широко распространенная в узких кругах» точка зрения. Но сам Гроций так не считал.

Благодаря таким естественным качествам людей, как общительность (люди тянутся к людям) и разум (люди могут договориться между собой о принципах сосуществования), оказался возможен договор о создании государства. Первоначально люди объединились в государство не по божественному повелению, но добровольно, убедившись на опыте в

бессилии отдельных рассеянных семейств против насилия, откуда ведет свое происхождение гражданская власть. Государство же, по Гроцию, «есть совершенный союз свободных людей, заключенный ради соблюдения права и общей пользы» [6]. Но какого именно права и какой пользы? Вот здесь-то и проявилось подлинное понимание Гроцием того, почему сохранение частной собственности – в интересах как имущих, так и неимущих. Дело здесь не в односторонних, а в двухсторонних обязательствах, и не во имя сохранения абстрактных справедливости и священной собственности, а для защиты носителя разума – человека и его жизни**.** Процитируем несколько положений из книги «О праве войны и мира».

«Право (есть то. – А.Ч.), что справедливо… Противоречит же справедливости то, что противно природе существ, обладающих разумом»… Право есть нравственное качество, присущее личности, в силу которого можно законно владеть чем-нибудь или действовать так или иначе… Есть еще третье значение слова «право» – одинаковое с понятием «закон», если только принять это слово в самом широком смысле, а именно – в значении правила нравственных поступков, обязывающего к выполнению какого-нибудь надлежащего действия… Дозволение же собственно не есть действие закона, но – отрицание действия, если только на всякое иное лицо не возлагается обязанность не чинить препятствий лицу, которому что-либо дозволено законом» [7].

А что же дозволено естественным правом всем, вне зависимости от объема их собственности? Ответ на этот вопрос следует из цитируемого Гроцием отрывка из сочинения М.Т. Цицерона «Об обязанностях», книга III: «Если бы каждый член нашего тела обладал сознанием и считал бы возможным поживиться за счет благосостояния соседнего члена, то неизбежно вследствие такого образа действия все тело пришло бы в упадок и погибло бы. Так точно, если кто-либо из нас похитит для себя блага, принадлежащие другим, или утащит, у кого что сможет, ради собственного обогащения, то человеческое общество и общежитие неизбежно погибнут, ибо каждому предоставлено приобретать необходимое для жизни предпочтительно перед другими, однако же, не вопреки природе. Природа же не терпит того, чтобы мы увеличивали наши возможности, средства и богатства грабежом других». Иными словами, всякий имеет право на жизнь и на средства, минимально необходимые для ее поддержания. В противном случае теряется данное богом естественное свойство человека – разум (и он превращается в животное), а затем и сама жизнь.

«Следовательно, предусмотрительность и заботы о самих себе не противоречат природе общества, пока не нарушается этим чужое право, и оттого сила, не нарушающая чужого права, – законна. То же Цицерон выражает таким образом: «Так как существует

два способа разрешения споров: один – путем спокойного рассмотрения, а другой – силой, и так как первый способ свойственен людям, а второй – диким зверям, то к последнему способу следует прибегать лишь в том случае, если нет возможности воспользоваться первым»» [8]. Не следует ли из этого, что если некто отнимает у другого все средства к существованию, то этот другой имеет право и на насилие, и на покушение на частную собственность первого? По нашему мнению, определенно – да. Тем более что, по Гроцию, война не противоречит естественному праву: «По природе каждый является защитником своего права, для чего нам и даны руки» [9].

Но если это так, то не соответствует ли естественному праву, справедливости и общему благу положение общественного договора о том, что, с одной стороны, неимущие не покушаются на частную собственность богатых, а с другой стороны – богатые не покушаются на жизнь остальных людей и даже защищают ее путем поддержания разумно-минимального объема удовлетворимости витальных потребностей? Нам представляется, что соответствует, ведь только при этом оказывается достижимой установленная Г. Гроцием цель государства – обеспечить такой правопорядок, при котором пользование своим достоянием было обеспечено каждому общими силами и с общего согласия. Значение этого открытия голландского ученого смогли по достоинству оценить лишь в XX веке, например, в США – только в годы Великой депрессии.

Государство же, по Гроцию, для эффективного исполнения своей основной функции должно обладать целым набором свойств, важнейшим из которых является верховная суверенная власть. К атрибутам государственной власти относятся: издание законов (как в светской, так и в религиозной областях), правосудие, назначение должностных лиц и руководство их деятельностью, взимание налогов, вопросы войны и мира, заключение международных договоров. Общим носителем верховной власти (то есть суверенитета) является государство в целом (как совершенный союз), носителем же власти в собственном смысле может быть одно или несколько лиц – сообразно законам и правам того или иного народа.

Первостепенное внимание к проблемам международного права требовало специального исследования вопроса как о носителе верховной власти, так и о формах правления. Однако внешнеполитические цели государства бесспорно недостижимы, если внутри него нет спокойствия. Поэтому проблема организации власти важна и во внутриполитическом аспекте государственной жизни. Гроций признавал историческое право народов, и поэтому выглядит вполне естественным то, что он признавал законной любую национальную организацию политической власти, начиная от царской и кончая республиканской. В этом смысле формы правления различаются только по носителю

суверенитета, но не по целям и задачам государства. Ученый упоминает царскую (единодержавную) власть, власть знатных вельмож, свободную гражданскую общину, демократическую республику; все эти формы имеют своим источником общественный договор, а поэтому, соответственно, носителем суверенитета является лицо, или группа лиц, или собрание, либо сочетание лиц и собраний, обладающих атрибутами верховной власти.

Носителем верховной власти является государство, как в международных связях, так и в отношениях с собственным народом. До заключения общественного договора суверенитет принадлежит народу, поэтому при создании государства народ мог избрать любую форму правления, но, избрав ее, он должен повиноваться правителям и не может без их согласия изменить форму правления, ибо договоры, согласно естественному праву, должны исполняться. Политическое участие народа, по Гроцию, стало быть, ограничено, правда, не считая известного исключения. Гроций юридическими доводами стремился доказать, что если монарх помышляет против своего народа и ведет истребительную войну, то это оправдывает народное восстание, поскольку при заключении общественного договора люди вряд ли возложили на себя «суровую обязанность при всех обстоятельствах предпочесть смерть необходимости вооруженного сопротивления насилию начальствующих лиц». Поэтому народ, заключая общественный договор, не мог дать права вести истребительную войну. Но если власть такую войну ведет, то она не выполняет условия общественного договора, и подданные вправе считать общественный договор расторгнутым и вновь обрести право на суверенитет. Точно так же необходимо оказывать сопротивление узурпатору власти. Народ может изменить форму правления, если это право (явно или неявно) оставлено за ним общественным договором либо если договор расторгнут правителями государства.

Итак, Гуго Гроций был пионером рационалистической идеи естественного права Нового времени. Ему принадлежит введение в научный оборот социальной аксиомы – человек по своей природе есть свободное создание, предназначенное для социального общежития. Книги голландского ученого уже в 1627 году по распоряжению Святого Престола были внесены в индекс запрещенных книг, однако никакими запретами уже нельзя было снизить гуманистический потенциал его (Гроция) трудов. Если бы не одно «но». Обратим внимание на то, что творчество Гроция относится к XVII веку, то есть ко времени, когда религиозное мировоззрение еще далеко не было изжито. Абсолютная ценность человеческой жизни могла признаваться и народом, и властью лишь при условии, что источник жизни находится в ней самой, а не в потустороннем мире. Только тогда человека можно будет считать равноправной стороной общественного договора.

Первым, кто выступил с этой идеей, был Бенедикт (Барух) Спиноза (1632-1677).

Религиозное мировоззрение и в XVII веке продолжало оставаться доминирующим, а соответствующие социальные институты были важным ресурсом политической власти светских государей. Философский парадокс того времени заключался в следующем. С одной стороны, человек уже ощущал в себе наличие творческой силы, но с другой – эта сила находилась под жестким контролем религиозного мировоззрения и, следовательно, государства. Однако творец без свободы вроде бы уже как и не творец. И разорвать этот порочный круг было очень трудно, а иногда – смертельно опасно: к услугам властей были все средства: от херема (синагогального проклятия) до костра и виселицы. Со многими компонентами этого «джентльменского набора» познакомились и сам еврейско-голландский мудрец Спиноза, и все те, кто поддерживал его. И недаром, ведь Спиноза отрицал религиозную обрядность, не мог мириться с ограничением свободы совести, был весьма откровенен в своих суждениях.

Хорошо известно, что на занятиях философией не разбогатеешь. Более того, за эти самые занятия очень легко познакомиться с дыбой, а то и с плахой. Многие мыслители и до Спинозы, и после него подвергались репрессиям за идеи, подрывающие авторитет власти и открывающие простор человеческому разуму. Но чтобы заслужить такое внимание державы, надо было сильно постараться: написать популярный трактат, длительное время вести антиправительственную пропаганду, возглавить еретическое движение, поставить само Солнце на место Земли и тому подобное. Спиноза также написал несколько трактатов, но о них мало кто знал. И не так уж важно, какие именно «источники» легли в основу учения философа: картезианство, аверроизм, еврейская или схоластическая философия; можно соглашаться или оспаривать утверждение, что «его философия, при всей оригинальности, есть не что иное, как попытка преодоления декартовского дуализма на почве пантеизма» [10]. Гаагского ученого подвергли проклятиям и гонениям, в сущности, всего за восемь латинских букв в следующем положении: «Под причиною самого себя (causa sui) я разумею то, сущность чего заключает в себе существование, иными словами, то, чья природа может быть представляема не иначе, как существующею» [11].

Чем же так не понравились властям предержащим эти восемь букв в двух словах? Совершенно очевидно: тот, кто утверждает, что под Богом разумеет «существо бесконечное (ens absolute infinitum), то есть субстанцию, состоящую из бесконечно многих атрибутов, из которых каждый выражает вечную и бесконечную сущность» [12], тот подрывает божественную легитимацию политической власти. Да еще делает это с такой ясностью и отчетливостью, что в его идею легко поверить. Спиноза был опасен тем,

что не отрицал бытие Божие напрямую, а сделал Бога частью природы, в которую входят также и человек, и государство, и право. Будучи причиной самой себя, природа не нуждается для своего бытия ни в чем другом: проявляется она в бесконечной массе модификаций. Поэтому и объясняться природа (человек, общество, власть, государство и так далее) должна из самой себя: из присущих ей внутренних сил, из действующих в ней самой причинно-следственных связей. При этом целый социальный институт – земная церковь – оказывается лишней, тем более что человек уже ощущал в себе творческий потенциал.

Свободным Спиноза называет то, что существует по необходимости своей природы и ничем иным, кроме своей природы, не принуждается к действию. Необходимым или вынужденным философ именует то, что определяется к существованию и действию чем-либо другим. В природе нет случайностей, все в ней определено необходимостью божественной природы. Так, под естественным правом Спиноза понимал необходимость, в соответствии с которой существуют и действуют природа и каждая ее часть. При этом естественное право отождествлялось с «мощью» – способностью любой части природы к самосохранению. Впервые, не ссылаясь на «горний мир», философски обоснована самоценность человеческой жизни и даже более – имманентное свойство жизни – стремление и способность к самосохранению. Закон самосохранения – верховный закон, господствующий во всей природе**.** Подчиняясь ему, каждая вещь стремится утвердить себя в своем бытии. Люди («частицы природы») тоже, насколько могут, устремляются к этому. Бытие обеспечивается силой. Она необходима, чтобы начать существование и продолжить его в соответствии с законом инерции, который действует как в физическом, так и в социальном мире. Сила, мощь природы и есть право природы. Сила, мощь индивида равнозначна его естественному праву. Величина последнего соразмерна этой силе: «каждый человек имеет столько прав, сколько мощи».

Спиноза хорошо понимал последствия устранения из сознания человека страха перед Богом. В этом случае главными мотивами социального поведения людей являются разнообразные влечения и страсти. Именно аффекты направляют действия индивидов, посредством которых они (индивиды) стремятся утвердить и сохранить себя. Влечения человеческие таковы, что превращают людей во врагов, разжигают в обществе конфликты, делают невозможным пользование индивидуальным естественным правом. Поэтому по природе и по естественному праву люди – враги, и их естественно-правовые взаимоотношения выражаются в понятии «война всех против всех» в естественном состоянии. В естественном состоянии, согласно Спинозе, все (люди и другие природные существа: умные и глупые, сильные и слабые) равны в том смысле, что все они одинаково,

по одному и тому же основанию, имеют право на все по своему произволу и желанию, хотя реальное содержание и объем этих естественных прав разных людей различны и зависят от размера их фактической мощи (умственной и физической)**.** В этой постоянной борьбе отдельных сил-прав «высший закон природы» состоит в стремлении каждого к самосохранению, к тому, чтобы «остаться в своем состоянии, и притом не считаться ни с чем другим, а только с собой».

Однако в таком естественном состоянии, где отсутствует общее для всех право, самосохранение людей, достижение ими своих желаний и безопасное существование не может быть обеспечено**.** Поэтому, по мнению гаагского ученого, люди сами решают прекратить существование, в условиях которого все могут совершать любые поступки и никто не чувствует себя в безопасности. Им удобнее и выгоднее сообща пользоваться тем правом на все, которое каждый имеет от природы. Для этого надо обуздать индивидуальное своеволие. Люди должны объединиться в целостное сообщество и в своих поступках следовать общей воле. К совместной и упорядоченной жизни, к состоянию гражданственности (то есть к государству) их толкает также потребность оказывать услуги друг другу, проистекающие из разделения труда между членами общества. Предпосылок для перехода в гражданское состояние накапливается более чем достаточно под воздействием природы и естественной необходимости; людям остается только заключить соглашение об этом.

В ситуации разъединения индивидов их естественное право обеспечивается плохо. Требуемое обеспечение достигается только соединением индивидов в одно целое (государство)**.** Это целое – следствие того, что каждый из объединяющихся в государство субъектов переносит на него свою мощь, свое естественное право. Взятое в таком смысле государство предстает продолжением естественного права, но теперь уже не в качестве естественного права частных лиц, а их совокупности. Образовавшаяся в результате сложения общая сумма индивидуальных естественных прав, индивидуальных сил, «мощь народа» и есть самая суть государства**.** Под верховной властью при этом, по существу, имеется в виду суверенитет государства.

Важная особенность договорной теории происхождения государства состоит в том, что «естественное право каждого в гражданском состоянии не прекращается», поскольку как в естественном, так и в гражданском состоянии человек действует по законам своей природы, сообразуется со своей пользой, побуждается страхом или надеждой. Главное различие между двумя этими состояниями заключается в том, что в гражданском состоянии имеется договорно установленное высшее (суверенное) естественное право государства, то есть здесь появляется общее для всех право и общий уклад, общий гарант

и защитник безопасности, и все боятся одного и того же – верховной (суверенной) власти. Верховная власть имеет право решать, что есть добро и что зло, что следует делать и от чего следует воздерживаться каждому в отдельности и всем вместе. В ведении верховной власти находятся издание, толкование и отмена законов, вопросы правосудия и прочие государственные дела, избрание должностных лиц, право войны и мира.

Однако всесилие государства также является нарушением естественного права, поэтому и личность должна обладать долей суверенитета. Вопрос лишь в том, в какой мере. Последоговорное право гражданина, именуемое Спинозой «частным гражданским правом», философ характеризует как «свободу каждого сохранять себя в своем состоянии, определенную указами верховной власти и защищаемую только ее авторитетом». Это гражданское право – часть общего права. И то, и другое право, как и вообще всякое право (кроме божественного) в естественном и гражданском состояниях, являются по своей субстанции правом естественным, правом-силой. Частное гражданское право, таким образом, есть разрешенные в условиях гражданского состояния естественные права индивида, то есть дозволенная верховной властью часть естественных прав. Осуществление гражданином всех остальных (недозволенных государством) естественных прав представляет собой преступление. В этой связи задача правосудия определяется как твердость в воздаянии каждому того, что ему следует на основании гражданских прав.

Своеобразие идеи общественного договора в версии Спинозы состоит в том, что необходимость государства и законов обусловлена естественной причиной – противоречием между страстями и разумом людей. Человек только тогда свободен и могущественен, когда руководствуется разумом; однако большинство людей не таково – люди одержимы аффектами, побуждающими к неразумным действиям. Законы, обеспечиваемые поощрением и наказанием, необходимы для того, чтобы подчинить страсти разуму. Суждения Спинозы о государстве, праве и законе основываются на свойственном рационализму убеждении о свободе как подчинении равному для всех разумному закону. Если закон, обеспеченный принуждением, соединяет людей в общество и предназначен для того, чтобы обуздать аффекты и другие страсти, в нем должен быть воплощен истинный разум, всегда направленный на общее благо. Поэтому создание законов нельзя доверить отдельным лицам, прихоти которых, в силу слабости человеческой природы, неизбежно возьмут верх над разумом. К сожалению, сегодня, когда проекты законов и других правовых актов сочиняются бюрократами, об этом совете Б. Спинозы совершенно забыли.

Чтобы закон был разумен, он должен быть искренне принят большим собранием

людей. Аффекты индивидуальны, страсти у всех разные, частные интересы противоречивы – все это в многочисленном собрании взаимно поглощается и, в результате, общим остается только разумное начало. Спиноза был категорически против того, чтобы власть безраздельно принадлежала одному человеку, так как единоличная воля изменчива, правление одного зависит от ряда обстоятельств (болезни, возраста государя и прочих), а сосредоточение власти в одних руках делает граждан бесправными. Поэтому монархическая форма правления допустима, если в ней воля государя непременно дополняется и ограничивается волей народа. Целая система компетентных учреждений во главе с создаваемым при монархе Правительствующим Советом должна обеспечить участие граждан в управлении государством.

Аристократическая форма верховной власти, при которой власть находится у определенного числа выбранных лиц (патрициев), предпочтительнее монархии, так как она в большей мере обладает абсолютным правом государства и по этой причине более приспособлена к сохранению свободы. При этой форме государства необходимо, чтобы правящих (патрициев) было много. Число патрициев к числу народа должно составлять примерно 1 к 50. В условиях аристократии народ не имеет никакого голоса, но поскольку он внушает страх власть имущим, то «сохраняет за собой некоторую свободу». Таким образом, получается, что и аффекты, при случае, могут быть слугами разума.

По мнению голландского философа, самым разумным и наиболее могущественным, прочным государством является демократическая республика. Демократия в наибольшей мере способна повелевать подданными и не имеет надобности их опасаться, поскольку устройство государства обеспечивает разумность законов и тем самым свободу как подчинение осознанной необходимости. При создании демократического государства люди могли бы договориться, «чтобы силу решения имело то, что получило большинство голосов». Подчинение этому первоначальному решению обеспечивает общее равенство и свободу. Демократическое государство наиболее естественно и приближено к свободе, которую природа предоставляет каждому, ибо в нем каждый переносит свое естественное право не на другого, лишив себя в будущем права голоса, но на большую часть сего общества, единицу которого он составляет. И на этом основании все пребывают равными, как прежде – в естественном состоянии.

Подобно Макиавелли, Б. Спиноза критиковал философов и политических теоретиков за то, что они берут людей не такими, каковы они суть, а какими они хотели бы их видеть. Настоящая задача политики состоит в том, чтобы вывести из самого строя человеческой природы то, что наилучшим образом согласуется с практикой. Корыстолюбие – вечная и неизменная черта человеческой природы. Поэтому политика

должна основываться на том, что условием достижения общего блага является обеспечение неприкосновенности личной собственности как отношения естественного и соответствующего природе человека. О пределах полномочий государства в его взаимоотношениях с подданными Спиноза замечает, что высказанное им положение о полном переносе естественных прав каждого на верховную власть и ее праве на все хотя отчасти согласуется с действительностью, но «во многом остается чисто теоретическим», ибо невозможно перенести на другого всю свою мощь (свое право), не перестав быть человеком. И никогда не будет существовать такая верховная власть, которая могла бы делать все так, как хочет, не считаясь с законами человеческой природы. Следовательно, должен существовать такой объем непереносимых на государство прав индивида, подкрепленных материально, который минимально необходим для сохранения естественной свободы человека. Сюда же относится право человека не свидетельствовать против себя, право на попытку избежать смерти, а также свобода совести.

При определении предела полномочий государства Б. Спиноза высказал положение, которое с позиций дня сегодняшнего выглядит не только спорным, но и опасным для так горячо отстаивавшейся им естественной свободы личности. С одной стороны, понятно, что к праву государства не может относиться то, к чему государство не в состоянии побудить подданных наградами и наказаниями. Однако, с другой стороны, философ считал, что поскольку власть не имеет возможности эффективно влиять на способность суждения, не обладает фактической способностью («мощью») заставить людей думать или говорить то, что угодно государству, она не имеет на это права. Что же получается? А если бы она такую возможность имела, как имеет в наши дни? Констатация запрета на вмешательство государства в духовный строй личности, превращения его в животное является бесспорной, но аргументация никуда не годится, ибо открывает путь тоталитаризму. И, кроме того, кому в XVII веке, как не Спинозе, было знать, что власть может иметь способность заставить людей думать и говорить в унисон. Видимо, ученый о чем-то таком догадывался, ибо, хотя и слыл чуть ли не безбожником и защитником свободы совести и веротерпимости, писал, что верховной власти, как по божественному, так и по естественному праву, принадлежит «верховное право постановлять относительно религии все, чтобы она ни порешила, и… все обязаны повиноваться ее решениям и приказам относительно религии». Примечательно, что поддержание стабильности государства (в том числе демократического), согласно Спинозе, возможно лишь при сохранении человеком способности постоянно рассуждать здраво. Только в этом случае могут быть эффективными демократические институты и процедуры.

Суверенитет государства также должен иметь границы. Верхняя граница

государственной власти состоит в том, что она не должна совершать действий, подрывающих ее авторитет или вызывающих негодование подданных (скажем, вторжения государства в суверенную зону индивида): «к праву государства менее относится то, на что негодует большинство». Нарушение властью договоров и законов ведет к тому, что общий страх большинства граждан превращается в негодование и презрение против власти, что является причиной возмущений против нее. Нижняя граница державной власти проходит там, где может возникнуть другой центр силы, что подрывает способность государства выполнять свои функции по управлению общественными делами. Государство, согласно Спинозе, есть часть природы и, подобно любой другой части, стремится к самосохранению.

Спиноза постоянно двигался к пониманию государства как публично-властной формы организации общества. Он осознавал, что государство становится все более самостоятельным по отношению к создавшим его людям и начинает жить по собственным законам. Этот мудрец принадлежал к тем еврейским интеллектуалам, которые стремились к свободе от всевластия раввината и интеграции в европейское общество. Может быть, именно поэтому в число людей он включал все население, а не отдельную его часть. И вот этот урок Б. Спинозы должны учесть современные украинские (и не только) политики и, похоже, начинают это делать. На повестке дня – реформа политической системы, в результате которой Украина может превратиться из полупрезидентской в парламентскую республику. В чем состоит смысл этой трансформации? На первый взгляд может показаться, что новый проект официального Киева не идет дальше упоминавшегося выше слепого копирования. Но это не так. Дело в том, что до сих пор реформы имели жесткую правую ориентацию, причем настолько правую, что интересы основной массы населения при принятии и реализации политических решений почти никак не представлены. Совершенно очевидно, что если выборы в Верховную Раду будут проводиться по партийным спискам, то в парламенте появится мощная левая (социально-демократическая) составляющая, способная защитить естественные права рядовых граждан. Именно этот право-левый баланс способен ограничить частный и общесоциальный эгоизм и придать политической системе Украины так давно чаемую стабильность.

Література

1. Электронная библиотека «Наука и техника» http://www.n-t.ru/tp/br/uru.htm. Кучма Л.Д. Формирование новой исторической реальности.
2. Кара-Мурза С. Идеология и мать ее наука. – М.: Алгоритм, 2002. – С. 31-32.
3. Гайденко П. П. Эволюция понятия науки (XVII-XVIII вв.). – М.: Наука, 1987. – С. 17.
4. Кара-Мурза С. Идеология и мать ее наука. – М.: Алгоритм, 2002. – С. 32.

5. Чемшит А.А. История политических и правовых учений. Учения о государстве и праве в Голландии и Англии в период буржуазных революций. – Севастополь, 2001. – С. 5.
6. История политических и правовых учений / Сост. и общ. ред. Г.Г. Демиденко. – Харьков: Факт, 1999. – С. 136.
7. История политических и правовых учений / Сост. и общ. ред. Г.Г. Демиденко. – Харьков: Факт, 1999. – С. 135.
8. История политических и правовых учений / Сост. и общ. ред. Г.Г. Демиденко. – Харьков: Факт, 1999. – С. 136.
9. Чемшит А.А. История политических и правовых учений. Учения о государстве и праве в Голландии и Англии в период буржуазных революций. – Севастополь, 2001. – С. 10.
10. Жизненный путь и творчество Бенедикта Спинозы // Спиноза. Серия «Выдающиеся мыслители». – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – С. 8.
11. Спиноза Б. Этика, доказанная в геометрическом порядке // Спиноза. Серия «Выдающиеся мыслители». – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – С. 327.
12. Спиноза Б. Этика, доказанная в геометрическом порядке // Спиноза. Серия «Выдающиеся мыслители». – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – С. 327.